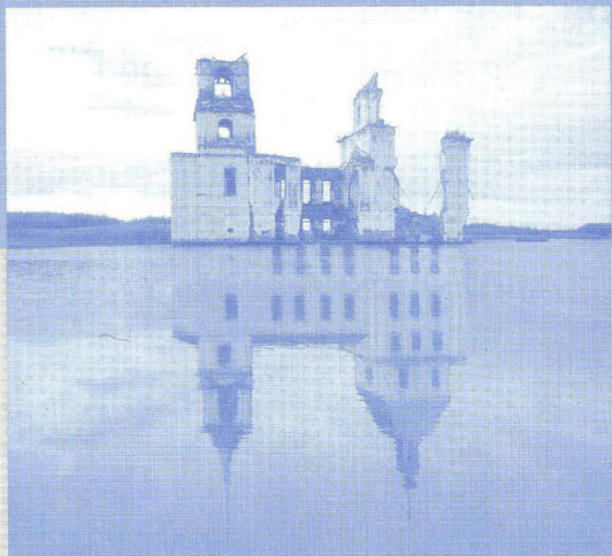

Александр Холин

**НЕДОСТРОЕННЫЙ
ХРАМ**

Александр Холин
Недостроенный храм

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9000262

Недостроенный храм. Книга стихов в нескольких циклах: Экон-информ;

Москва; 2013

ISBN 978-5-9506-1047-9

Аннотация

Книга стихов в нескольких циклах.

Содержание

Из цикла «Под знаком креста»	6
«Что я нашёл?..»	6
«Как Символ света...»	8
Плачь Ярославны	9
«Чу! Где-то метелица свищет...»	11
Аввакум	12
Болярыня Морозова	14
«В какой-то дрёме очень странной...»	16
Танец	18
«Не горе, но горечь осудного слова...»	20
«Перестук колёс, перестук...»	22
«Ноябрь...»	24
«Нас суета суёт в столпотворенье...»	26
«Обрывки грязных словоблудий...»	28
«Бывает, что невмочь смотреть в пустые рожи...»	30
«Лекарственной болью октябрь полыхает...»	32
«Не успокаиваться, не просить...»	34
«Нет ничего необычного...»	36
«Закованное в рамки бытия...»	38
Проповедь патриарха	39
«Пустынный храм, где нет свечей...»	42
«Обожествляя нежных и ранимых...»	44

«На солнечной милой планетке...»	46
«Монархия света, монархия тьмы...»	48
«Боль мою не измерить словами...»	50
Откровения Ересиарха	52
Пасха	54
Пророчество Ересиарха	55
«Спасибо, Господи, за боль...»	56
«Летит над болотом зелёная мреть...»	58
«Я ребёнок военной России...»	60
«На этом весёлом свете...»	61
«Познавая сущность Иисусности...»	62
Армагеддон	64
«Отщебетали в парках птицы...»	67
«Покровский отблеск октября...»	69
«За узорным зелёным болотом...»	71
У входа в Иерусалим	73
«Чечня и чеченцы...»	74
Ковчег	76
Моление о чаше	78
Рождество	80
«Я тот поэт, которому не надо...»	82
На подступах к Хиландарю	84
«Восток ещё дремал...»	86
«Я на Чёрный Покров в ноги вам поклонюсь...»	88
«Небо проснулось от птичьего грая...»	90

Распятие	91
Содом и Гоморра в пламени онгона	93
«Дни мои дни...»	95
Богородичен тропарь	97
Из цикла «Листая старые страницы»	99
«Я пытался стих писать...»	99
Мой негасимый свет	100
Молитва Ересиарха	102
«Что молчишь ты, брат-поэт?..»	103
«Холодную придавленность надгробий...»	104
«Опять бредут растерзанные тени...»	106
«Я рисую в подветренный полдень...»	108
«Родные русские дороги...»	111
«Призрачным вопросом...»	113
«Востроносые чайки проносятся низко над морем...»	114
«Тень моя занавеской во тьме...»	116
«Парчовые тонкие нити...»	118
«В закоулках вьюги...»	120
«Как в зеркала, в распахнутые лужи...»	122
«Пока ещё на улице свежо...»	124
Поэт	126
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Александр Холин
Недостроенный храм
Книга стихов в
нескольких циклах

Из цикла «Под знаком креста»

«Что я нашёл?..»

Что я нашёл?..

Впрочем, что я искал

в сонмищах войн вековых и ничтожных?

Видел везде только смерти оскал

в массе улыбок, заведомо ложных.

Видел стремленье найти пустоту,

чтил добромыслие, удаль полёта.

Скоро ли люди поймут красоту

жизни без денег, без суетной рвоты?

Я не забуду надежду и страх —

истину жизни всем сердцем приемля.

Правда повсюду:

в горах и лесах,
в нашей Любви, охраняющей землю.

«Как Символ света...»

*– Или! Или! Лама савахфани?
(Боже мой! Боже мой! Зачем ты оставил
меня?)
Евангелие (Мф. 27:46)*

Как Символ света,
солнечные пятна
упали на ладонь мою —
взгляни!
И на полу от рамы —
тень распятия.
Или! Или! Лама савахфани?
И свет – не свет.
И вера – изуверство.
И ночью душат мёртвые огни.
Возводят в аксиому лицемерство.
Или! Или! Лама савахфани?
И на полу от рамы —
тень бессилья
так близко,
только руку протяни.
А, может, это в будущее крылья?
Или! Или! Лама савахфани?

Плачь Ярославны

Я светом, я тьмой, я слепую дождинкой
тебя ожидаю на русских ветрах.
В далёких краях я простой паутинкой
к тебе прилечу, чтоб развеялся прах.
И ты бы восстал, будто Феникс из пепла,
и снова почувствовал меч-кладенец.
И я бы тебя, мой владыка, воспела,
ведь нашей любви не наступит конец.
Ты в землю чужую смерчом-ураганом
отправился ратное дело вершить,
и утренний луч, как душевная рана,
как пламя онгона, что не потушить.
Проснись же, мой витязь!
Давно отзвенели
капли с прогретых Ярилою крыш,
и летние иволги в рощах отпели,
и в небыль уходит осенняя тишь.
Ну, что ты молчишь?
Иль чеченское небо
вдруг стало милее, чем русская ширь?
О, сколько же русских отправлено в небыль
еврейским кремлём!
Президент-нетопырь
страну без зазрения совести губит.
Он – вор голубой. И худой окоём.

Я Бога молю:

пусть ублюдка полюбит

панический страх захлебнуться дерьмом!..

«Чу! Где-то метелица свищет...»

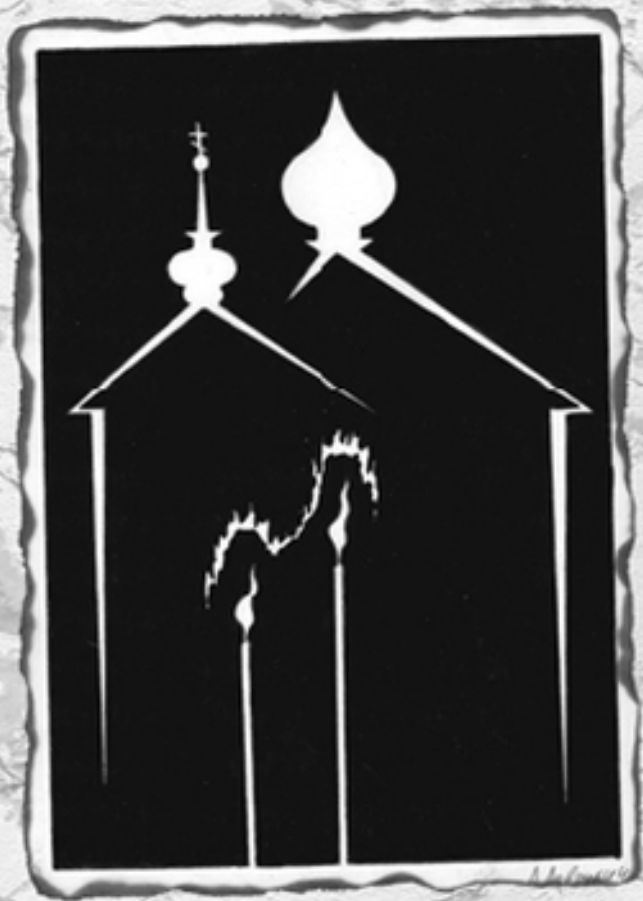
Чу?! Где-то метелица свищет
и снова не видно ни зги.
Бреду я, бездомный и нищий.
Страной управляют враги.
И так уже науправлялись,
что нищенством крепнет душа.
Мы жили, врага не боялись,
а он подползал, не спеша.
Смотри!
В мышеловках валюта!!
Нельзя!..
Но берём и берём...
Лишь только вопрос:
почему так
сроднились с кремлёвским ворьём?!?
Сроднились с ворьём? – значит, сами
воришки до мозга костей,
качаемся меж полюсами
и ждём неперменных гостей.
Гостей, что хомут засупонят
и плёткой по рёбрам пройдут...
А мы под метель, но с гармонью
всё ждём:
перемены грядут.

Аввакум

*Время приспе страдания, подобает вам
неослабно страдати.*

Протопоп Иоанн Неронов

Пустынная страна не тешит взор
паломника, бредущего по кручам,
к ползущим над землёй тяжёлым тучам,
несущим то ли славу, то ль позор.
И сонмы стран – детей одной страны —
и сонмы лиц, в одно лицо сливаясь,
пророчили идти, молясь и маясь
за пепл Неопалимой Купины.
Но светлый луч, как белый омофор,
сквозь мрак и темь к паломнику пробился.
И, плача, человек перекрестился,
благодаря за жизнь и за костёр.

Болярыня Морозова

На рассвет от крови розовый,
словно Благостную Весть,
в кандалах везут Морозову,
и замёрзнувшая взвесь
вся дрожала в ожидании
с неба Страшного суда...
Это всё для нас предания
через дни, через года.
Захлебнулось время криками,
поселилась в церкви гнусь,
и сломалась в лапах Никона
наша праведная Русь.
Век семнадцатый¹. И нелюди
прикрываются крестом.
год семнадцатый². И нелюди
в красном мареве густом.
И семнадцатого августа³
те же нелюди вокруг.
А над Русью взмыли аисты
с криком – с севера на юг.

¹ На Вселенском Соборе в 1666 году окончательно утверждена «шепотная» православная религия.

² 1917 год принёс России долгое время интервенции и геноцида.

³ С 17 по 21 августа 1991 года – агония СССР.

Скоро будет время грозное
без поблажек, без прикрас.
И болярыня Морозова
молит Господа за нас.

«В какой-то дрёме очень странной...»

В какой-то дрёме очень странной
остекленела наша Русь.

Зелёный морок по урманам
застыл...

как будто дремлет грусть.

В деревне пусто.

Нет майдана.

И нет на пастбище коров.

С остеклением тумана
не видно люда на Покров.

Да и в домах немые окна —
пустынно.

Будто бы погост,

под сизым дождиком промокнув,
открыл в немую небыль мост.

России горькая кручина —
в мосту прогнившая доска,

но мать-старушка неповинна
в том, что свирепствует тоска.

Всем наша Русь дарила щедро
благословенье и уют.

С песком златым чумные ветры
нам отходную пропоют.

Хрустальным стало ударенье.

Эй, потерявший стремяна,

в гробу стеклянном ждёт спасенья
остекленевшая страна.

Танец

Урочный пляс в урочный час —
всё так пристойно, всё как надо.
И блеск твоих весёлых глаз,
и шёпот губ в аллеях сада.
Не опалён и не разлит
твой взор, но временем окован.
И вот мне чудится Лилит,
я луноликой околдован.
В неярком отблеске свечей
два взгляда пламенем объаты —
сродни скрещению мечей
между Изидой и Гекатой.
Но этот танец знаю я,
он сердце мне восторгом полнит.
Танцуй, танцуй, душа моя,
как ветерок по синим волнам,
как беззаботная луна
среди сверкающего снега.
И вихрем танца сметена
вся мощь богов, вся тишь и нега.
Ах, этот плен!
Восторг!
Экстаз!
Паденье в пропасть и услада!
Но нежность рук, но голос глаз

узнал я, дочь Иродиады.

«Не горе, но горечь осудного слова...»

Не горе, но горечь осудного слова
и неразделимую долгую ночь
несу, словно тайну Святого Покрова,
напрасно стараясь себя превозмочь.

В безмолвном моленье,
в несбывшемся крике
моих откровений,

стихов

и поэм,

изломы ущелий —
морщины на лице.

И я, как морщина, изломан и нем.

И трудно пытаюсь молиться хоть словом,
хоть взглядом, хоть трепетом мёртвых ресниц,
я вижу огонь, оживающий в новом
прочтении старых от века страниц.

«Перестук колёс, перестук...»

Моей бабушке – Екатерине Холиной

Перестук колёс, перестук,
или звон в ушах, или звон?
Мир давно пронзил тяжкий звук,
тяжкий звук пронзил, или стон?
Но беда моя – не беда,
если рядом ты в снег и в дождь.
И в голодный год лебеда
уж не вызовет страх и дрожь.
Уж не вызовет смачный дым
недокуренных сигарет.
Я же был всегда молодым,
и умру, поверь, в цвете лет.
Мир опять пронзил тяжкий звук,
и стрела летит вслед за мной.
Перестук колёс, перестук.
Или вой по мне, волчий вой...

«Ноябрь...»

Ноябрь.

То дождь.

То снег.

И лужи.

И неуютно на ветру.

Полнеба ёжится от стужи —

собаки воют поутру.

Сквозь дождь и снег,

сквозь мрак и ветер

перед иконою свеча,

а мир проснётся, снова светел

когда корабль обрёл причал.

Печать холодного рассудка

не для смятения ума.

Заплакал ветер зябко, жутко.

Погасли света терема.

Зима взяла своё как будто —

маячит снег сквозь мелкий дождь.

А свет?

А свет, конечно, будет,

когда его зовёшь и ждёшь.

То дождь.

То снег.

Болеют зимы.

Но вот предвестником весны

явился свет неодолимый
Неопалимой Купины.

«Нас суета суёт в столпотворенье...»

Нас суета суёт в столпотворенье
прозрачных бед, надуманных проблем.
А я опять пишу стихотворенье
на перекрёстке мыслей и дилемм.
Опять в сознании что-то происходит —
ты замечаешь, замечаю я.
Тоскливо ветер по аллеям бродит,
подчёркивая смысл небытия.
Моя родная, не грусти о жизни!
Но... мы жалеем всё-таки о ней.
Мы с ней чумные.
Кто из нас капризней
и суматошной в суতোлке дней?
Коней по кручам гонят поневоле,
так повелось в соцветии светил.
Глашатай жизни Александр Холин
опять кому-то ногу отдал.

«Обрывки грязных словоблудий...»

Обрывки грязных словоблудий,
как птицы реют надо мной.
И ноты солнечных прелюдий
пронзает тяжкий волчий вой.
Ищу покой, но вместе с потом
исходит злоба из меня.
Я стал советским идиотом,
и всё прошу:
– Огня! Огня!
На грани небыли и были
я распластался в небесах
в клубках слепой Вселенской пыли,
но вижу свет на полюсах
не мной погубленной планеты,
не мной распятого Христа.
Я знаю, есть спасенье где-то,
лишь душит душу немота.
Мне Бытие терзает разум
никчёмным смыслом суеты.
Успеть бы лишь, сказать ту фразу,
что ожидаешь только ты
на мелком нашем островочке
среди словесных грязных струй.
И не хочу я пулей – точку...
Хочу как точку – поцелуй!

«Бывает, что невмочь смотреть в пустые рожи...»

Бывает, что невмочь смотреть в пустые рожи.
И крик живёт в груди, что Боже избави!
Достоин ли Любви, кто пустоту тревожит,
и кто тревожит ночь, достоин ли Любви?
Принеси одно таинственное слово,
что б вспенилось вино, что б вдребезги бокал.
А что мне до того, что и оно не ново —
Сын Человеческий

среди нас его искал.

Нашёл ли, не нашёл – неведомо, не знаю.
Он принял грех земной за нас с тобой, мой друг!
Когда уже невмочь, Его я вспоминаю
и вдруг в груди не крик, а ужас! а испуг!
И пустота моя, не отпуская, гложет,
что годы за спиной – не храмы на крови.
Достоин ли Любви, кто пустоту тревожит?
И кто тревожит ночь – достоин ли Любви?

A. J. J. J.

«Лекарственной болью октябрь полыхает...»

Лекарственной болью октябрь полыхает,
октябрьской болью заполнился ум.
И как ни крути, видно так уж бывает,
что запах лекарства исходит из дум.
Из дум головы. Не из дум Горсовета,
ведь всем думакам на октябрь наплевать.
И боль не проходит. Но, может, с рассветом
я снова смогу над страну летать.
Надсадную боль разметав, словно листья,
я крылья расправлю и снова взлечу,
увиджу, как звёзды в пространстве зависли,
и в небе меня не достать палачу.
Но где-то там город, мой ласковый город,
давно захиревший от дум думаков.
Он, в общем-то, стар, но по-прежнему молод.
Мы вместе с Москвой не выносим оков.
Оков словоблудья и думского гнёта,
пора бы столице встряхнуться и жить!
Москва никогда не забудет полёта.
Летать – значит всех, и прощать и любить.

«Не успокаиваться, не просить...»

Не успокаиваться, не просить
каких-то благ пред старою иконой.
Пусть дождик так же мелко моросит
по Сретенке, Арбату и Поклонной.
Пусть не страдает Божия душа —
она не для стихий, для испытаний.
А кольца жизни снова совершат
простую окольцованность страданий.
Простое понимание Любви,
дарованной когда-то миру Свыше.
Молитвой Божью Матерь позови,
Она тебя поймёт, Она услышит.
И если, не задумываясь, лгать
откажешься, то словно в Высшей неге
тебя не будет мудрость избегать,
идущая от Альфы до Омеги.

«Нет ничего необычного...»

Нет ничего необычного
в том, что печален свет,
в том, что пустым привычкам
в мире названья нет,
в том, что перечеркнуло
сетью слепых дождей
судорожные скулы
верящих в быт людей.
Верящих в невозможное
счастье житейских драм.
Как же порою сложно
люди приходят в храм.
Слушаю ночь тревожную,
верю прожитым дням,
Как же порою сложно
воцерковляться нам.

J. J. J.

«Закованное в рамки бытия...»

Закованное в рамки бытия
моё сознание требует полёта.
Под звуки скрипки, трепетно поя
и пропадая порванной нотой,
мой гимн души оставил этот мир.
И я теперь бездушный и бескровный,
и беспардонный, будто бы сатир.
Но, словно прежде, дерзкий и рисковый,
опять хочу услышать светлый звук,
и захлебнуться ангельскою нотой.
Сковал мне грудь не ужас, а испуг:
как будто не смогу вернуть чего-то,
как будто мне, погрязшему в миру,
претит общенье с Божьими дарами!..
Вставая на молитву поутру,
мне вторят ангелы своими тенорами.
Так, значит, дело всё во мне самом?
Пусть Божьи блики хоть на миг сомкнутся
и вновь предстанет светлый окоём...
Теряя веру, к Богу не вернуться.

Проповедь патриарха

Недалеко уже то время, когда масоны начнут подымать хвост. Из всех апостолов Христа один лишь оказался предателем, а сейчас будет всё наоборот: токмо малая толика православного священства останется верной Христовым Заповедям...

Св. старец Николай Гурьянов

1.

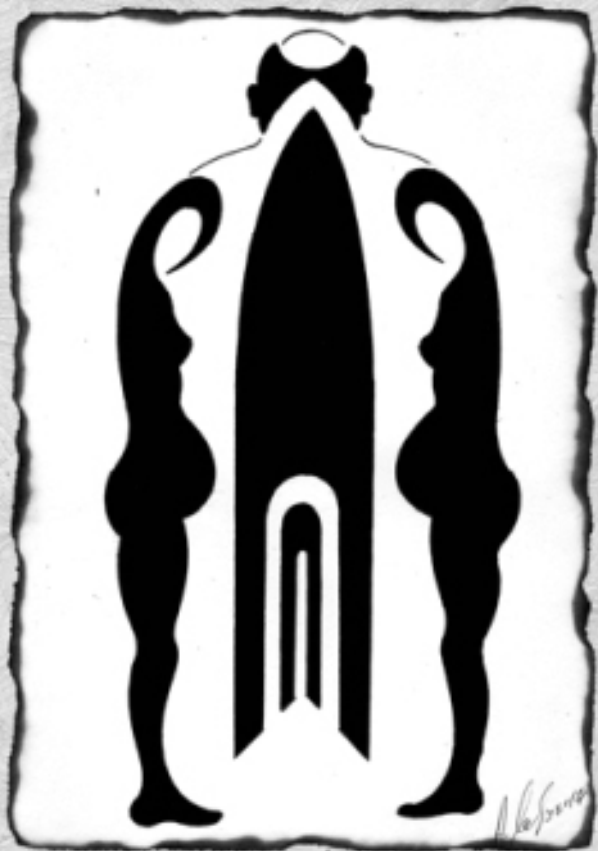
Прости меня, электорат
за грех пустой содомский.
Да, я покрыл церковный смрад,
и по Руси с котомкой
когда-нибудь и может быть
пройдусь, как нищий инок.
Но не забудь мне заплатить,
ведь по Руси поминок
не отслужили, кабы я
Мамоне не молился.
Я за стихийность бытия
с масонами напился,
и от раввина принял дар —
то яблоко золотое.

В Патриархии перегар.
Но всех я успокоил.
Тебе же надобно успеть
простить... И я прощаю!
Мой «Символ веры» будешь петь.
Грехи я отпускаю...

2.

«Символ веры» Гундяева:

«Верую во единого бога-отца
Золотого тельца.
Верую в чудотворный процент,
силу вкладов и рент
с их влияний чудовищной сферой.
Верую в благородный металл,
во святой капитал,
возносящий над участью серою.
Верую!»

«Пустынный храм, где нет свечей...»

Пустынный храм, где нет свечей,
где нет ни риз, ни образов,
где только звяканье ключей,
где гулко лязгает засов.

Часов не наблюдают. Здесь
вневременное бытиё.

И лунный луч пронзает взвесь,
но... слышишь?.. там ещё поёт
не отлетевший херувим —
неутомимая мольба —
хрустальным голосом своим
по слову Божьего раба.

Судьба, она всегда скупа,
тепла на всех не достаёт.

Над храмом Божьего раба
вершат снежинки свой полёт.

Пустынный храм, где нет свечей,
где неприютен день любой.

И я подумал: а зачем
Господь мне даровал любовь?

«Обожествляя нежных и ранимых...»

Обожествляя нежных и ранимых,
крутой порошей, присыпая след,
бредут по свету братья пилигримы
к Любви Великой, как сказал поэт.
Примет и вех в дороге не имея,
но всё ж не просто так, не наугад,
они идут туда, где Лорелея
раскрашивает звёздами закат.
И ни к чему сужденья или споры:
они идут туда, где шум утих
и где настой из корня мандрагоры
Изольда приготовила для них.
Покровом Богородицы хранимы,
и не делясь на тех, и на своих,
идут к Любви Великой пилигримы.
Мне кажется, что я один из них.

«На солнечной милой планетке...»

Лизонке Катковской

На солнечной милой планетке,
где только покой да уют,
растут на деревьях монетки
и три статуэтки живут.
Грызут обезьянки бананы,
от дождика прячутся в тень.
И пляшут под бубен бараны,
когда им бодаться не лень.
А три статуэтки-кокетки
весёлые песни поют
и дарят баранам конфетки,
и три апельсина жуют.
На солнечной милой планетке,
там можно капризничать всласть.
А вам не хотелось бы, детки,
на эту планетку попасть?

«Монархия света, монархия тьмы...»

Монархия света, монархия тьмы.
О, как это с детства знакомо!
И небо закатное цвета сурьмы
опять зависает над домом.
Мудрейшие книги лежат на столе —
сокровища ересиархов.
Но хищные тени бегут по земле,
печальные слуги монархов.
Ни свету, ни ночи умы не нужны.
Представьте:

сиянье без тени!

иль облако пьяной разнузданной тьмы,
и в небыль крутые ступени!
Рождён человек, чтоб на лезвии жить,
идти между тенью и светом.
А что же поэт?
Он не может ступить
ни шагу, не помня об этом.
Позвольте, зачем и скажите, к чему
природе нужны эти страсти?
Ты просто иди ни на свет, ни во тьму,
а к Богу за чистым причастьем.
Но я, как поэт, поводырь и певец,
помочь не смогу, не посмею.
Коль ты не поднимешь терновый венец,

я просто тебя пожалею.

«Боль мою не измерить словами...»

Боль мою не измерить словами,
разливаются вспышки комет
над поваленными тополями.
Званных много да избранных нет.
Оборванец, скажи мне, родимый,
для чего ты родился на свет
бесприютный, с душою ранимой?
Званных много да избранных нет.
Обозначить чужие пороки
легче лёгкого – вот в чём секрет.
Божий Сын тоже был одинокий.
Званных много да избранных нет.
И когда ты пройдёшь спозаранку
по тропинке непрожитых лет,
не разглядывай жизни изнанку.
Званных много да избранных нет.

Откровения Ересиарха

Ну, что ж, опять расставленные точки,
и солнца луч в сознание точно смерч!
Я видел Зазеркалие воочью,
но это не была простая смерть.
Пустого и простого в этом мире
никак не отыскать. Ты мне поверь.
А точка – продолжение в пунктире
утрат, страданий, вздохов и потерь.
Невероятно!
В параллельном царстве
совсем не так, как представляют здесь.
Там нет судов, и есть не те мытарства,
и воздух, словно пламенная взвесь.
И нет мучений дуги на сковородках,
а есть свирепый вихорь изнутри.
Я там изведаль несколько коротких
уколов совести...
И сколько не ори,
и сколько не кричи, там нет спасенья,
и места под счастливым бытиём.
А есть воспоминания мгновенья
про запах тела, что смердит гнильём.
Быть может я – гнилой и непохожий
на всю ту боль, которую другим
принёс при жизни – не простой прохожий,

а грешный и нахальный пилигрим.
Быть может, я сказать во искупление
про царство Зазеркалья должен вам?!
На это мне отпущены мгновенья.
А сколько? Сколько...
я не знаю сам.

Пасха

Ночь. Над водой разливается
тяжкий гудок, будто стон.
Всё, словно сон, забывается,
всё превращается в сон.
Видел на свете не мало я —
в ликах старинных икон
есть чистота небывалая.
Всё превращается в сон.
Мыслил коснуться ладонями
счастья, что долго искал,
но за бегами-погонями
только себя потерял.
Но за слезами незванными
тихий приходит покой,
нежно прикрытый туманами,
словно Господней рукой.
Звёзды на волнах качаются.
Пасха. Малиновый звон.
Всё, словно сон, забывается,
всё превращается в сон.

Пророчество Ересиарха

Грязным снегом запорошена
продаваемая Русь.
В долларёвых лужах брошена,
утонула наша грусть.
Грусть о той, о несгибаемой
кости в горле у врага.
Сослагаемой, склоняемой
стала Русь – и вся пурга!
Лишь чумное словотворчество
по дорогам, точно встарь,
и в Писании пророчество:
храм построен!
На алтарь
много небыли положено,
но столичная пурга
так бела и так ухожена —
вот и вся вам недалгá.
Вот и всё вам словотворчество
и мычанье на луну.
Что ж, гуляй, моё пророчество,
пока жив, на всю страну!

«Спасибо, Господи, за боль...»

Спасибо, Господи, за боль
и за Любовь, что мне послал!
Я жизнь – несыгранную роль —
ещё в стихах недописал,
недоболеел, недолюбил,
недомолился перед сном,
и недопонял, что не мил
кому-то в городе пустом.
Опять блуждая по судьбе,
то неприютен, то весел,
я вновь и вновь скажу Тебе:
Спасибо, Господи, за всё!
Я снегом белым упаду,
когда полночный город стих,
и Вифлеемскую звезду
я отражу в глазах своих.

«Летит над болотом зелёная мреть...»

Летит над болотом зелёная мреть
и жизнь засосало в болото
настолько, что хочется лечь, помереть —
не слушать болота икоту.

Тускла позолота на Божьих церквах.

По кочкам бредут пилигримы.

И в этих не русских, но русских краях
всё зимы да зимы, да зимы.

Народ!

Помолись, оглянись не спеша —
на Родине ты иль в изгнанье?

Тогда ты поймёшь, как рыдает душа,
как страждет она покаянья.

«Я ребёнок военной России...»

Я ребёнок военной России,
утонувшей в нескладных боях.
Снегом белым меня заносило,
как в окопе, в обыденных днях.
Снегом белым меня заносило,
и тревожила смерть у виска,
и чумная судейская сила
против шерсти трепала слегка.
Наблюдал я как нелюди-люди
нашу родину распродают,
как голодным подносят на блюде
просвинцованный снежный уют.
Мне хотелось завывать и вцепиться
в сало толстых улыбчивых рож,
и поганую кровью напиться
продавцов, или взять их на нож.
Что же, нечисть опять ополчилась?
Но, как встарь, на житейском пути,
Русь моя, если ты помолилась,
проходимцев крестом освяти.

«На этом весёлом свете...»

На этом весёлом свете
мне не нужны слова.
И я на дорожной ленте
заметен уже едва
среди миллионов нищих
и мудрых, как жизнь, бродяг.
Здесь каждый чего-то ищет
и каждый чему-то рад.
Врага, обрета и друга,
наперсника и лжеца
увидю, что ночь да выюга
пила с моего лица.
На мудрость не хватит силы,
для глупости нет ума.
И даже сырой могилы
меня не приемлет тьма.
Хромает по лужам ветер,
жуя нитяной мотив.
На этом весёлом свете
я только любовью жив.

«Познавая сущность Иисусности...»

Сестре Галине

Познавая сущность Иисусности,
руки на груди сложив крестом,
быть хочу искусным в безыскусности,
но не указующим перстом.
Оставляя в прошлом страсть и страстности,
тайну покаяния познать
я хочу. Хочу причастности
к Истине Пресветлой.
Исполать!
Познавая сущность Иисусности,
руки на груди сложив крестом,
я познаю сущность Иисусности
в самом сокровенном и святом.

Армагеддон

На каменные клинописи лиц
светила лик, простреленный навывлет,
глядит из-под слабеющих ресниц.
На сгустки и клубы белёсой пыли,
осевшей на деревья и на птиц,
на лица зданий и отживших клёнов.
И нет уже различий и границ
меж храмами Парижа и Поклонной.
Настало время:
Ангел вострубил,
и сделались смятения и смуты.
И скоро, скоро грозный Гавриил
сочтёт твои последние минуты.
Настало время:
всё вернулось вспять,
всё умирающее или неживое,
и никого на помощь не позвать,
и грудь земли под пыльной травой.
Восстала рать.
Пред ней – другая рать.
Они сошлись, разя, в последней битве.
И солнце не спешило догорать,
и люди становились на молитву.
Всё это было.
Было?

Но когда?

Я помню крики боли и страдания,
и догорала Божия Звезда,
и ни следа, и ни воспоминанья...

Всё это было или будет впредь —
земли сырой оплавленные комья.

Всё умерло.

И только умереть

не смог один, который это помнил.

«Отщебетали в парках птицы...»

Отщебетали в парках птицы,
но город требует поэм.
И по столице след искрится
пахучих белых хризантем —
тотем не для богатых нищих
и не для нищих богачей.
И в подворотнях ветер ищет
мерцанье трепетных свечей.
Ключей от рая не отыщешь.
Но почему же там и тут
в часовню старого кладбища
молиться странники идут.
Падут снежинки на дорогу
неразрешённых мной проблем,
но след людей, идущих к Богу,
в благоуханье хризантем.

«Покровский отблеск октября...»

*...И кто-то камень положил
Ему в протянутую руку.*

М.Ю. Лермонтов

Покровский отблеск октября,
разлив кленового заката,
и мысль о том, что прожил зря
всю эту жизнь, уже чревата.
Уже чревата бытиём
под звук унылой депрессухи.
И солнца луч пронзил копьём
в лесу клубящиеся слухи
о том, что будет и чему
уже совсем не приключиться.
И весь октябрь опять в дыму,
как искалеченная птица.
Я долго думал и гадал,
кружил в лесу, подобно звуку,
и вдруг последний лист упал
в мою протянутую руку.

«За узорным зелёным болотом...»

За узорным зелёным болотом
стерегут тишину камыши.
Просыпается давнее что-то
в закоулках уснувшей души.
Раньше пелась молитва, как песня,
и ласкали крылом облака,
а теперь по заснеженным весям
ни огня, только чахлый закат.
Но в безверье и бездорожье
я храню, словно тайну, следы
удивительной,
невозможной
золотой Вифлеемской звезды.

У входа в Иерусалим

*Бдите и молитесь, яко не весть,
в кий час Господь ваш придет.
(Мф. 24:42; Мк. 13:33)*

Сиж у врат, презревши плоть,
от лета и до лета.
Не знаю я, когда Господь
пройдёт дорогой этой.
Я пролил здесь немало слёз,
в стране чужой безвестной.
Не знаю я, когда Христос
пройдёт в свой Храм Небесный.
Смогу ли я Его узреть
среди толпы гудящей,
иль суждено мне умереть
таким, как есть, пропащим.
О, Боже! Милостивым будь
мне грешному. И всё же,
о, Боже, укажи мне путь
каким пройдёшь...
О, Боже!

«Чечня и чеченцы...»

*Светлой памяти Св. Евгения Родионова
посвящается*

Чечня и чеченцы...

Кремлёвские споры:

откуда у «духов» взялись АКМ?

Кровавое солнце взошло,

значит, скоро

убийство, резня без вопросов-дилемм.

Из русских ребят, заключённых в зиндане,

чеченские суки терзали не всех,

а тех православных, кто видел в Коране

лишь бред сатанинских телесных утех.

Решили сломать Родионова Женю:

сначала сулили гарем и рубли,

но видел Евгений, что к Богу ступени

идут через Крест...

Только Богу внемли!

Тогда ты услышишь, что было, что будет,

тогда лишь поймёшь тяжкий смысл Бытия.

Евгений подумал:

«Пусть молятся люди

за крест и за русских. Быть может, и я

молитвою к Богу приду и Престолу

смогу поклониться, но крест не сниму!...»

И демоны взвыли на выси и доли —
солдат Родионов не сгинет во тьму!

Ковчег

Жил я, с собой соглашаясь и споря
вплоть до последнего дня.

Церковь, ковчег мой, из мёртвого моря
вынеси к жизни меня.

Сколько вокруг утонуло и тонет
в море не пролитых слёз.

Церковь, ковчег мой, над волнами стонет
ангел смертей – альбатрос.

Кто-то прощальное слово обронит,
как драгоценный опал.

Церковь, ковчег мой, куда меня гонит
моря житейского шквал?

A. Kolygina

Моление о чаше

В час моления, в час бытия,
всех собак, поминая, подлунных.

Господи!

Минет ли Чаша сия
мимо грёз моих грешных, бездумных?

Нет! Моление о Чаше не блуд,
не снискание смерти нескорой.

Господи!

Просто мне грешному будь
хоть надеждой, а лучше – опорой.

В час смятения, не был ли я
позабыт и Тебя не забыл ли?

Всё же римское жало копья
ту же рану во мне сохранило.

Рождество

Свет от костра.

Свет от свечей.

Но Свет во тьме не знали люди.

Звезда в четырнадцать лучей
явила миру весть о чуде.

От века истины стары
и для царя, и для поэта.

И принесли Ему дары:
ведь Он – пришедший Свет от Света.

Господь волхвам виденье дал
незабываемого чуда.

В яслях спокойно мальчик спал,
не зная, кто Он и откуда.

«Я тот поэт, которому не надо...»

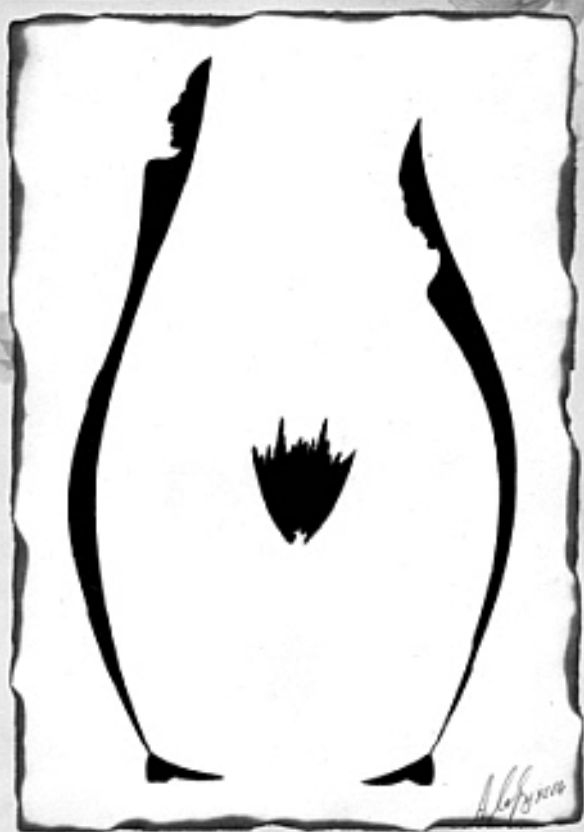
Я тот поэт, которому не надо
остаток мысли на скончанье дня.
Среди сердец и взглядов камнепада
меня спасает искорка огня,
дарованная мне из Поднебесья
Государем и верой в нашу Русь.
Жить на Руси – что может быть чудесней?!
Поэтому я весело смеюсь
над тугодумством правящего класса
и постоянной гонкой за рублём.
Настанет миг Божественного Часа,
и мир вернётся к нам с Государём.
На деньги смысла жизни не купишь
и Муза за рубли не прибежит,
а от Судьбы получишь только кукиш,
но встретит и приветит Вечный Жид.

A. J. J. 2014

На подступах к Хиландарю (Афонский монастырь)

Не вспоминал тебя и не просил остаться
под зовом дня, под перекликом птиц.
Ведь это всё же лучше, может статься,
чем графика оплавленных глазниц.
Мильоны лиц. Дорога до Афона.
И тихий удивительный покой.
Звон била и ступени Иверона.
И будто Богородица рукой
души коснулась...
Чувство благодати.
И перестал пустынным быть Афон,
и так хотелось поделиться, кстати,
с тобою, не слыжавшей этот звон.

«Восток ещё дремал...»

Восток ещё дремал.
Но встреча с Божьим светом
уже предreshена. И филин с высоты
заметил, как поют под невесомым ветром
среди багряных трав зелёные цветы.
Чисты моления глаз. Просты моления звуков.
Но голос истончал, но взгляд в тумане слёз.
И перед храмом тать заламывает руки:
– За все мои грехи прости меня, Христос!
Просты его слова, чисты его моления.
Я веры той хочу до кончиков волос.
А стрелки на часах отсчитывают звенья
и ждут, когда скажу:
– Прости меня, Христос!

«Я на Чёрный Покров в ноги вам поклонюсь...»

Я на Чёрный Покров в ноги вам поклонюсь.
В паутине веков вновь запуталась Русь.
Вновь бежала волна вниз по Волге-реке.
Не моя в том вина, если горечь в строке.
Изливается боль и на сердце огонь.
Из оков и неволь – на расстрел под гармонь,
потому что я рус, потому что не жид,
коли смел, коль не трус, значит, будешь убит.
Но пока ещё жив хоть один на Руси,
станем правду вершить. Бог промолвит:
– Еси!
Не моя в том вина, что Покров почернел.
Чашу выпей до дна и прими свой удел.
Но не сломлена Русь паутиной веков
и я снова молюсь, снова Чистый Покров.

«Небо проснулось от птичьего грая...»

Небо проснулось от птичьего грая.

Русь, просыпайся!

Весною не спят!

Настежь ворота весеннего рая,
здесь не задушит чумной снегопад.

Надо ли жить из дремоты в дремоту,
слушая денежный звон кандалов?

Снова на Русь объявило охоту
жидо-масонское стадо воров.

Слов не хватает, чтоб высказать честно
суть ростовщичества, смысл бытия.

Полноте, люди!

Давно нам известно:

истина жизни для всех и своя!

Но, собирая весной незабудки,
радуясь солнцу и светлому дню,
я вспоминаю лишь эти минутки,
а проходимцев ни в чём не виню.

Стоит ли помнить духовное скотство?

Сгинет от злобы финансовый жид.

Русс не продаст своего первородства!

Русский всегда и поймёт и простит.

Распятие

Племя сионистов Зимний захватило:
правят Русью мило, но уже в Кремле.
Звонкое монисто сатанинской силы —
и Россия гибнет в непроглядной мгле.
Врут в теледебатах, врут на ассамблеях,
ничего не свято слугам Сатаны.
Дума из приматов за страну болеет,
но Россия гибнет, не признав вины
в том, что разрешила расстрелять монарха.
К Богу покаянья Русь не принесла!
От бесовской силы, по словам Плутарха,
в смерти прозябанье за свои дела.
Ведь царя распяли, как Христа когда-то —
кровь его не смыта и зовет к нам!
Коль от бед устали, вспомним то, что свято —
Богом не забыты, возвращайтесь в храм.

Содом и Гоморра в пламени онгона

Как сгорели Содом и Гоморра
все забыли.
К чему вспоминать
и вести в суете разговоры,
и о чём-то прошедшем стенать?
Знать примера ещё не хватило,
знать сломался у скрипки смычок.
Гложет нас сатанинская сила,
только сам Сатана не причём!
Ты рождён, чтобы жить не ломаясь,
а не в вечном бою побеждать.
Он же изгнан из вечного рая,
и не может ни дать и ни взять.
Вот идёт человек на охоту
не за пищей, а просто убить.
Лишь насилье с кровавою рвотой,
и Любви обрывается нить.
А девицы по дьявольским козням
обнажают и душу, и плоть.
Кто в Содомских грехах первороден:
человек или всё же Господь?
Если жизнь патриарха России
в поклоненье Златому Тельцу,
сколько б женщины не голосили,
на калач не заменят мацу.

Постарайся не жить нелюбовью,
дай хоть толику радости мне.
Богу кайся за страсти по крови.
...иль сгорай на нетленном огне.

«Дни мои дни...»

Дни мои дни!

Белопенное поле тетради.

Сны мои сны!

Улетевшие вдаль облака.

Так бы и жил только в небо печальное глядя,
так бы и умер в беспечной игре игрока.

Но за окошком вагона нагие погосты,
но за бортом парохода глухая волна.

Глас ниоткуда:

– Зачем же, несчастный, живёшь ты?

Я тебя создал для Жизни на все времена!..

И, словно луч пронизал естество и сознание,
перекрестились земные и Божьи пути.

Господи! Господи!

Дай мне хоть миг покаянья,

не позволяй нераскаянным в полночь уйти.

Богородичен тропарь

Жил, не избавлен греха первородного:
царство без князя, без царствия князь.
Тёплой Заступнице мира холодного
я поклоняюсь, слезно молясь.

Дево!

Стране Одигитрию будеши!

Дево!

Направь и управь. Без Тебя
будет смущение беса в полунощи.
Не покидай, не храня, не любя,
Твой Вертоград у Дивеевской пустыни.
Снова к Тебе прибегаем: Прости!..
Радостью светлой, не скорбными чувствами
лягут к Тебе православных пути.

Из цикла «Листая старые страницы»

«Я пытался стих писать...»

Я пытаюсь стих писать
на страничке пепла.
Что ты можешь мне сказать
о дыханье ветра?
Что ты можешь подарить
волку в новолунье?
Бросить все, да и завывать,
чтоб не рвались струны.
Зов природы, шум дождя —
не для увяданья.
Подари мне, уходя,
бурю на прощанье.
Чтоб хватило силы взмыть
над страстями ада,
чтоб насильно не любить
мусор Москвабада.

Мой негасимый свет

Ангел мой!

Светоч мой! Где же ты где?

Рябь ветерка на озябшей воде?

След облаков на безоблачном небе?

Мне не дожить до утра ещё. Мне бы

знать, на какой поселился звезде?

Ангел мой! Светоч мой!

Где же ты, где?

A. Modigliani

Молитва Ересиарха

Помилуй, Боже, и спаси!
Перед Тобою обнаженный
на стыд и слезы осужденный
Ересиарх Всея Руси.
И полуденный неба плач
потряс светлейшее светило:
я резал напрочь, точно врач,
то, что вчера душою было.
Уплыло каплей по стеклу,
упало образом в примете,
кружилось вальсом на балу
анти-Господнее столетье.
А я смеялся и плясал,
и богохульствовал без меры.
И вот я тот, кем смел и стал —
священномученик Химеры.
Не дух, не зверь, не человек,
не изгонённый, но изгнанник.
И очарованный вовек,
рождённый Русью, Божий странник.
Унылый дождик моросит.
А я, как Бог, преображенный,
стихи читаю прокаженным
Ересиарх Всея Руси.

«Что молчишь ты, брат-поэт?..»

Что молчишь ты, брат-поэт,
или силы не хватает?
Брось грустить, уже светает.
Ох, встряхнуться бы от бед.
Нет!
Ещё Кремлёвский тать
не о всех нас ноги вытер,
вот и не хватает прыти
за Рассеюшку восстать.
Я бывал среди думаков
и бывал на баррикадах.
Мне Кремлёвский жид в награду
наломал на зиму дров.
Только печка не горит,
только нет благословенья
мне от Бога на спасенье...
и поэт во мне молчит.
Я пою про журавлей,
да пропитую калину...
И плюётся кто-то в спину.
Эх, налей, братан, налей!

«Холодную придавленность надгробий...»

Холодную придавленность надгробий
и лес, не отстоявший на ветру,
ноябрьская непогода коробит.
И радостные крики на пиру
весёлых ведьм закончились скандалом:
им, оказалось, есть чего делить.
Так молния своим трескучим жалом
старается пространство озарить,
где нити чёрно-точечных дождинок,
где струйная размеренность часов.
И рыщет стужа, требуя поживы
от скорбных отзвеневших голосов,
от тяжести раздавленных надгробий
и леса, отстоявшего в ветрах.
Куда ж ты, друг, шагаешь без дороги
из ночи в ночь? Из праха и во прах?

A. S. Johnson
1948

«Опять бредут растерзанные тени...»

Опять бредут растерзанные тени
по неприятной улице. Темно.
Лишь лунный луч на несколько мгновений
пронзает полночь, как веретено.
И ветрено. В такую непогоду,
вальпургиеву слыша круговерть,
усталый парк глядится, словно в воду,
в забвение:
там жизнь? а, может, смерть?
И ветер, ветки плетью полосуюя,
давно запутал стёжки и пути.
И с шабаша сбежавшая плясунья
с тоскою шепчет:
– Господи, прости!..

«Я рисую в подветренный полдень...»

Я рисую в подветренный полдень
голубую бездонную высь.
Ничего из плохого не вспомнить,
значит нечего.
И пронеслись
где-то кони опять над обрывом,
прозвучала минорная боль.
Слишком тяжело, но очень красиво
превращаться в убийственный ноль
для стремлений, надежд и мечтаний
одурченных жизнью людей.
Подчеркнёт невозможность скитаний
по России простой выюговой,
где я снова – подветренный нищий —
начертал угольком на снегу
Тетраскеле⁴...
и время отыщет
тех, кто пел налету, набегу.
Не могу оставаться в сторонке
от прекрасных страниц бытия.
Над Москвою набатный и звонкий
голос мой:
эта Русь – это я!

⁴ Тетраскеле – античный знак креста.

Не был я супротив ни вандалов,
ни хапуг. Так чего же орать?
И столица совсем истончала,
слышу только про мать-перемать!..
Этот выбор на мне, на поганом,
под московский гремучий утиль.
Снова шторм?!
Нет, не надо, куда нам!
Лучше мёртвый безветренный штиль.

«Родные русские дороги...»

Родные русские дороги
и бездорожье, словно встарь,
и так же вытирают ноги
у храма книжник и мытáрь.
Родные русские ухабы
и грязь, приставшая к рукам.
И так тоскливо смотрят бабы
вослед ушедшим мужикам.
Родные русские забавы:
стакан, другой да острый нож.
И жажда жизни, как отравá,
и с губ слюняво каплет ложь.
Родные русские дороги,
и в реках мёртвая вода.
И вспоминаем мы о Боге
когда в окно стучит беда.

«Призрачным вопросом...»

Призрачным вопросом
солнце сквозь ненастье.
Расскажи мне, осень,
что такое счастье?
В мире светлом снова
осени стихия.
На листе кленовом
я пишу стихи ей.
Выпадают росы
в Бабье лето щедро.
Расскажи мне, осень,
о дыханье ветра.
Но закрылись веки —
снится, иль не снится —
расскажи о снеге
на Покров Царицы.
Грусть идёт незримо
по зеркальной грани.
Жду я от любимой
взгляда и свиданья.
Призрачным вопросом
ледяные страсти.
Расскажи мне, осень,
что такое счастье?..

«Востроносые чайки проносятся низко над морем...»

Востроносые чайки проносятся низко над морем,
видно в тучах под небом им так неуютно леталось.
Я хотел распрощаться с обыденным семенем горя,
только кроме него ничего на земле не осталось.
Я давно не слышал, как дурачатся птицы весной,
и поутру мечтаю водой ключевой умыться,
но московское серое небо встаёт надо мною:
ни полёта, ни мысли и даже воды не напиток.
Я старался отмыть, обелить и очистить Отчизну,
только времени мне на старанья уже не осталось.
Может кто-то из вас позабудет про тлен коммунизма
и сумеет дарить не постылую злобу, а радость.
И поймёт, что для неба важны покаянье и слёзы,
да ещё не сгоревшие в сумрачном пламени души.
На асфальте раздавленный временем стебель мимозы...
но вдали от Земли не согреет спасения лучик.

«Тень моя занавеской во тьме...»

Тень моя занавеской в окне
колыхается от ветерка.
Что-то странное чудится мне
там вдали, где луна и тоска.
Где тугие, как мышцы ветров,
волны, сонно жующие тьму.
Богородицы белый покров
прикоснулся к лицу твоему.
А луна – королева зеркал —
отражает тебя в небесах.
Ночь плывет среди базальтовых скал
на пиратских косых парусах.
Вот осколок разбитой луны
покатился по берегу прочь.
И ни звука. Ни плеска волны.
Только ночь, бесконечная ночь.

«Парчовые тонкие нити...»

Не пропадет ваш скорбный труд.

А. Пушкин

Парчовые тонкие нити слепого дождя мельтешат над городом странных событий. И я, проходя наугад по скверам, аллеям, бульварам, – по самым нестранным местам —

почувствовал: странным и старым я стал в этом городе сам.

Такой же, как все, суетливый, бегу, догоняю, спешу — Огромный! Свободный! Счастливым! – дышу, сочиняю, пишу.

А в городе странном и старом лишь странные мысли живут,

и что ты ни сделаешь – даром твой скорбный и праведный труд.

И что ты ни скажешь – впустую, где всякий безмолвием свят.

Распяли поэта – ликуют, а умер палач – голосят.

Парчовые тонкие нити слепого дождя мельтешат.

Взгляните, прошу вас, взгляните, куда это люди спешат?

«В закоулках вьюги...»

В закоулках вьюги
ищем мы друг друга,
а дороги замело да не вьюжей силой.
Жить во дне вчерашнем
нам без Бога страшно,
да и с Богом тяжело, Господи, помилуй!
Если стало больно,
ты скажи – довольно!
И погаснет вьюжий хвост над моей могилой.
Эта истина стара:
между завтра и вчера
рухнул мой хрустальный мост, Господи, помилуй!

«Как в зеркала, в распахнутые лужи...»

Как в зеркала, в распахнутые лужи
глядит октябрь. И я ему внимаю,
что где-то есть не сломанные души,
что где-то есть веселый ветер мая.
С крутых берез осыпавшийся шорох,
и мимолетный взгляд, как свежий ветер.
И сердце снова вспыхнет, словно порох.
Как счастлив тот, кто свято в это верит.
И воскресив оборванную песню,
хочу срывать по рощам позолоту,
и бесконечно падать в поднебесье,
и умереть от радости полета.

«Пока ещё на улице свежо...»

Пока ещё на улице свежо,
и нынче ни печали, ни забот.
О, Господи! Как всё же хорошо
встречать Пасхальный утренний восход!
О, Господи! Какая благодать:
весь мир ожил надеждою на жизнь,
и ничего не надо объяснять
про суетность извечных дешевизн.
И ничего не надо говорить —
Христос воскрес! – это ли не суть?
Вот только б душу с телом примирить,
их пустотой уже не обмануть.
Рассвет Пасхальный всё-таки пришёл.
О чём мечтать?
Чего ещё мутить?
О, Господи! Как всё же хорошо
Божественную тайну ощутить.

Поэт

Сергею Есенину

Белый свет расплескался в тумане —
неприметен, как слёзы из глаз.
Нас, увы, он уже не обманет,
просто эта игра не для нас.
В час молений, страданий, разлуки
были мы от любви далеки,
и сплетались безвременья звуки
под ворчливым журчаньем реки.
Далеки наши небыли-были,
далеки наши всплески надежд.
Не любя, мы уже отлюбили,
лишь осталась гламурность одежд.
И осталось стремленье гармоний
всё загнать в многолетний обман.
Нам Есенин сыграл на гармонии
про рязанский любовный туман,
и про тонкие кудри осины,
что дрожат на московских ветрах.
Жаль, что мы у него не спросили:
как там жизнь в Зазеркальных мирах?
Может быть, там поэтов не любят,
и любовь – как туманный мираж?
Может страсть в Зазеркалье погубит

и Пьеро потеряет плюмаж?
Только свет, только белые пятна
по туманному шёлку плывут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.